

Лекция: ИСТОРИЯ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

План:

1. Соотношение кратких и полных форм древнерусского прилагательного (формообразование, склонение, синтаксические функции, связь со становлением категории определенности ~ неопределенности).
2. Лексико-грамматические разряды прилагательных и их история.
3. История форм сравнительной степени прилагательных (для самостоятельного изучения).

Литература:

- Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1965. – С. 224–237.
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 245–278.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 135–218.
- Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. – М., 1990. – С. 177–215.

I

Имя прилагательное в древнерусском языке, как и в современном, имеет общее значение признака, носителем которого является предмет. Именно поэтому оно всегда определяет существительное и функционирует либо в качестве согласованного определения, либо в качестве именной части сказуемого, то есть, и синтаксически относясь к существительному (ср.: На столе лежало красное яблоко. – Это яблоко было красное).

Если такой связи с существительным нет, то это уже не прилагательное, а иная часть речи, генетически связанная с прилагательным, например: течение быстро (прилаг.) – бежит быстро (наречие); так же и в др.р. ОТ ЗЪЛА (прилаг.) СЪМЕНИ – ДА НЕ ТВОРЯТЬ ИМЪ ЗЪЛА (сущ.).

Г. А. Хабургаев, отмечая в древнерусских текстах высокую частотность форм среднего рода существительных, тождественных формам прилагательных, типа ДУРНА НАД НИМИ НИКАКОВО НЕ УЧИНИЛИ; И НАД ГО СУДАРЕВОЮ КАЗНОЮ НИКАКОВА ХУДА НЕ ЧИНТИ, объясняет эту тождественность как доказательство генетического единства прилагательного и существительного, достаточно долгого существования их как единого класса слов, которое проявляется и в единстве морфологических признаков – род, число, падеж (Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. С. 177).

Первичными формами прилагательных являются современные **краткие формы**. Они склонялись так же, как существительные, с которыми согласовывались, но, в отличие от существительных, уже в праславянский период унифицировали системы флексий по родовому признаку: все краткие прила-

гательные женского рода склонялись как существительные с основой на *ā/*jā; все краткие прилагательные мужского и среднего родов склонялись как существительные с основой на *ǫ/*jǫ. При этом флексии прилагательного к началу письменного периода уже не зависели от флексий конкретного существительного, а определялись только его родовой принадлежностью, например:

*ā *ī *ū *ǫ *ǫ *n

И. ед. чьрна стена, ночь, буквы великъ столъ, домъ, камы

Р. ед. чьрны стены, ночи, букъве велика стола, дому, камене

И. мн. чьрны стены, ночи, букъви велики столи, домове, камене

Традиционно термины **именные формы** используется в значении ‘краткие формы’, а **местоименные формы** – в значении ‘полные (членные и местоименные без различия’. При этом использование термина может определяться вниманием к различиям в морфемном составе форм (краткие – полные, членные) или к системе склонения (именные – местоименные)¹.

Образование членных форм шло следующим образом: к именной форме прилагательного присоединялось древнее указательное местоимение И, та, Ю в зависимости от категории рода, отражаемой прилагательным:

И. ВЕЛИКЪ + И → ВЕЛИКЫИ

ВЕЛИКА + АЕ → ВЕЛИКАЯ

ВЕЛИКО + Ю → ВЕЛИКОЮ

Р. ВЕЛИКА + ЕГО → ВЕЛИКАЮГО

Д. ВЕЛИКФ + ЕМФ → ВЕЛИКФЮМФ.

Уже в старославянских памятниках отражается начавшееся изменение первоначальных форм местоименных прилагательных. Вначале конечный гласный именной формы уподобляется окончанию: ВЕЛИК-АЮГО → ВЕЛИК-ААГО, ВЕЛИК-УЮМУ → ВЕЛИК-УУМУ. Затем в Т. ед. мужского и среднего родов, Д., Т., М. мн. и Д., Т. дв. конечный звук именной формы -О, -А, -Ъ заменяется звуком -Ы: ВЕЛИК-ЫИМЬ, ВЕЛИК-ЫИМЪ, ВЕЛИК-ЫИМИ, ВЕЛИК-ЫИХЪ, ВЕЛИК-ЫИМА. Эти старославянские нестяженные формы в древнерусском языке подверглись стяжению: ВЕЛИК-ЫМЬ, ВЕЛИК-ЫМЪ, ВЕЛИК-ЫМИ, ВЕЛИК-ЫХЪ, ВЕЛИК-ЫМА.

Дальнейшее изменение форм склонения этих прилагательных связано с влиянием на местоименное склонение в целом парадигмы указательного местоимения ТЪ, ТА, ТО:

ВЕЛИК-ОГО как ТОГО; ВЕЛИК-ОМУ как ТОМУ, ВЕЛИК-ОИ (вм. ВЕЛИЦЪИ) как ТОИ.

В начальной форме мужского рода после падения редуцированных вместо исконно древнерусского преобразования великой / синей закрепляется

¹ В последние десятилетия в работах по истории прилагательного семантика терминов местоименные и членные формы дифференцируется (см. : Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 3: Прилагательные / А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2006. С. 224–225.

форма старославянская великий / синий. Исконные формы характерны для некоторых современных севернорусских говоров, в литературном языке они сохранены лишь под ударением (седой, молодой), в том числе в фамилиях (Толстой, Дикой, но: толстый, дикий). В таком виде они использовались в поэтической речи XVIII–XIX веков, например:

<i>Мирно стой, утес наш твердой, Отшибая грудью гордой Вкруг ревуций океан! (Жуковский)</i>	<i>Пусть нам звездою путеводной Святая истина горит. И, верьте, голос благородной Недаром в мире прозвучит! (Плещеев)</i>
---	---

В поэтической речи XVIII–XIX веков в формах Р. ед. женского рода используется наряду с флексией -ой/-ей (из др.р. -ОѢ/-ЕѢ) вариант -ья/-ия, старославянский по происхождению (из -ЬІА/-ИІА), например:

*Болтливыя молвы не требуя похвал,
Я подвиг бытия означил тесным кругом. (Вяземский)*

Какова изначальная функция присоединения указательного местоимения к формам именных прилагательных?

По мнению ученых, эти указательные местоимения выполняли функцию **определенного члена**, который позволял новообразованию – членному/местоименному прилагательному – реализовать значение **указания на определенный предмет**: именные прилагательные употреблялись при существительных, которые обозначали неизвестный или впервые упоминаемый предмет; новообразования же употреблялись при существительных, которые обозначали известный или уже упоминавшийся предмет.

Значит, нечленные и членные формы образовывали оппозицию по признаку ‘определенности ~ неопределенности’, тем самым создавая предпосылки для формирования в древнерусском языке категории **определенности ~ неопределенности**. Ср. реализацию этой категории в германских языках в использовании определенных и неопределенных артиклей англ. a / the, нем. der / die. Так же в древнерусском языке начального периода: ДОБРА СЕСТРА, где признак приписывается сестре вообще или конкретной, но впервые упоминаемой сестре, ДОБРАЯ СЕСТРА – именно эта, а не какая-то другая.

Но категория ‘определенности ~ неопределенности’ оказалась в древнерусском языке неустойчивой, вследствие этого формы типа добра сестра и добрая сестра полностью совпали по своей грамматической семантике. Однако в языке формообразование всегда должно сопровождаться дифференциацией функций, в данном случае эта дифференциация коснулась функций синтаксических.

Изначально первичное – именное – прилагательное могло выполнять и функцию определения, и функцию сказуемого: ЖАЛЬ БО ЕМУ МИЛА БРАТА ВСЕВОЛОДА (Слово о полку Игореве, XII); ЗАНЕ ЖЕ КНИГЫ ВЕШАНЫ А УМЪ МОЛОДЪ НЕ ДОШЕЛЪ (Приписка монаха Лаврентия к

Лаврентьевской летописи, 1377); ОТРОЦИ СВѢНЬЛЪЖИ ИЗОДЪЛИСА СУТЬ ГѢРУЖЬЕМЪ И ПОРТЫ А МЫ НАЗИ (Повесть временных лет, начало XII). Постепенно за именными прилагательными закрепились функции сказуемого, а за местоименными – функция определения и претерпела изменение грамматическая семантика полных и кратких форм. В современном русском языке они противопоставлены по характеру выражаемого ими признака: добрая сестра – постоянный признак, сестра добра – непостоянный признак. Закрепление кратких форм в предикативной функции привело к тому, что они используются лишь в форме И. п., координируясь с подлежащим в роде и числе. Таким образом утрачивается склонение кратких прилагательных.

Изменение грамматической семантики полных и кратких форм привело к утрате кратких форм у относительных прилагательных, поскольку они называют стабильный признак предмета, например, *каменный дом*, в отличие от качественных прилагательных, называющих признак, который может сохраняться в предметах в большей или меньшей степени, например, *крепкий кофе*. Таким образом сохраняются полная и краткая формы только у качественных прилагательных.

Исключения, реализующие атрибутивную функцию именного прилагательного, довольно редки: 1) фразеологизмы типа *сыр-бор разгорелся, на босу ногу, середь бела дня*; 2) элементы фольклорной поэтики типа *красна девица, красно солнышко, бел-горюч камень*; 3) в поэтической речи при обособлении, когда краткое прилагательное в форме И. п. выступает в полупредикативной функции, совмещая значения определяющего слова и предиката, например: *Дика, печальна, молчалива, Как лань лесная, боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой (Пушкин)*. Следует отличать от такого употребления усеченные формы прилагательных, которые как средство стилизации использовались в поэтической речи XVIII – начала XIX века, например: *Поля покрыла мра'чна ночь; Так си'льну он вносил десницу (Ломоносов); Не здесь ли ми'рны дни вели земные боги? Он пел разлуку, и печаль, и нечто, и тума'нну даль (Пушкин)*. Формально подобные кратким (именным), они отличались от них местом ударения: усеченные формы сохраняют ударение полных (местоименных) прилагательных, краткие имеют ударение на флексии.

II

Лексико-грамматические разряды древнерусских прилагательных совпадают с современными: качественные, относительные и притяжательные, первоначально имевшие именную форму: НАРЯДЪ КРАСЬНЪ, ТЕРЕМЪ ДЕРЕВЯНЪ, РОДЪ КНЯЖЬ. Современные притяжательные прилагательные в большей степени, чем другие разряды, сохранили исконную именную форму: *отцов дом, сестрин подарок, синицыно крыло, «Иваново детство»*.

В древнерусском языке словообразование этого разряда прилагательных шло при помощи следующих суффиксов:

- -ОВЪ / -ЕВЪ (ОТЪЦЕВЪ, ОЛЬГОВО ХОРОБРОЕ ГНЕЗДО).

Эти прилагательные сохранили в современном русском языке исконную именную форму и синтаксическую функцию согласованного определения, в силу чего они, в отличие от именных форм качественных прилагательных, имеют флексии именного типа в выделенных падежах; в остальных закрепились флексии местоименного типа склонения:

- И. отцов дом отцова деревня
- Р. отцова дома отцовой деревни
- Д. к отцову дому отцовой деревне
- В. отцов дом отцову деревню
- Т. отцовым домом отцовой деревней
- П. об отцовом доме отцовой деревне.

- -ИНЪ (СЕСТРИНЪ, ДВОРЪ ГОРДЯТИНЪ)

Эти прилагательные в современном русском языке склоняются по местоименному типу, за исключением небольшой группы типа *мужнин, материн, курицын*, которые изменяются как прилагательные с суффиксом -ов / -ев. К исключениям относятся и географические и ботанические названия, устойчивые сочетания, например: *Ласточкино гнездо в Крыму, венерин башимачок, тришкин кафтан, Ильин день*.

Притяжательные прилагательные двух этих словообразовательных типов легли в основу многих русских фамилий (Иванов, Кузьмин), географических названий. Так, название города Киев, по летописной версии, восходит к имени старшего из братьев-основателей Кии: И СОТВОРИША ГРАДЪ ВО ИМЯ БРАТА СВОЕГО СТАРЪИШАГО И НАРЕКОША ИМЯ ЕМУ КИЕВЪ (Повесть временных лет, начало XII); название города Львов к имени князя Льва Галицкого, который в XIII веке возвел городское укрепление.

- -j- (ПО ЗАМЫШЛЕНИЮ БОЯНЯ из БОЯНЪ + -j- → БОЯНЬ; ВЪ ОБРАЗЪ МЕДВЪЖИ из МЕДВЪДЬ + -j- → МЕДВЪЖЬ).

В современном русском языке эти формы сохранились лишь в названиях городов типа Ярославль (ЯРОСЛАВЪ + -j- → ЯРОСЛАВЛЬ ГОРОДЪ); остальные же были вытеснены полными формами и склоняются по местоименному типу, например медвежий.

Лекция: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИМЕНИ ЧИСЛИТЕЛЬНОГО КАК ЧАСТИ РЕЧИ

1. Исходная система счетных слов древнерусского языка:
 - а) частеречная принадлежность счетных слов и их сочетаемость,
 - б) словообразовательные модели счетных конструкций.
2. История оформления числительного как части речи.

Литература:

- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 303–312.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 266–277.
- Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. – М., 1990. – С. 258–281.

I

В исторической славистике традиционно считается, что становление числительного как самостоятельной части речи осуществляется в старорусский период и в древнерусском языке такого разряда имен выделить нельзя: «Все, без исключения, древнерусские названия отвлеченных чисел функционируют и характеризуются грамматическими категориями прилагательных или существительных» (Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. С. 267)².

Состав узловых счетных слов уже в начальный период был тот же, что в современном русском: от 1 до 10, 100, 1000.

По происхождению эти слова в основном индоевропейские:

один – ст.сл. ЮДИНЪ, прасл. *jedinь, где *ed – усилительная частица (ср. этот) + *in ‘один’, как лат. unus, англ. one, нем. ine (исходная семантика проявляется в корневой морфеме в др.р. ИНОРОГЪ ‘единорог’, ИНЪГДА / ИНОГДА ‘однажды’ – старшее значение, отмеченное И. И. Срезневским; совр.устар. инок ‘монах, отшельник’; в современном суффике -ин- со значением единичности типа горожанин, хозяин);

два – лат. duo, bis (duis ‘дважды’), гот. twai, санскр. dvāu, dūvāu;

три – лит. trīs, лат. tres, гот. preis;

четыре – лит. keturi, лат. quattuor;

пять – гр. πεπτασ, лат. quintus, гот. imfta;

шесть – лит. šeši, лат. sex, sextus, гот. saih;

² Совершенно иную позицию в этом вопросе занимает О. Ф. Жолобов: «История славянских числительных заключается не в движении «от небытия к бытию» (т. е. в их весьма позднем появлении), а в особенностях их морфосинтаксической динамики. Фже в рамках традиционного частеречного учения с его триадой флексийных форм, синтаксической функции и лексического значения древнеславянские числительные должны быть выделены в самостоятельный класс слов» *Историческая грамматика древнерусского языка У. 4 : Числительные / О. Ф. Жолобов. М.: Азбуковник, 2006. С. 10+.

семь – прасл. *sedmь; лат. septem, снскр. sapta;

восемь – прасл. *osmь /*osъmь (др.р. ОСЬМИНЪКА ‘хлебная мера’, срб. осам, словац. osem), лат. octo, снскр. asta. Еще в начале XIX века форма осемь была нормой: Все украшало кабинет философа в осьмнадцать лет (Пушкин). Современная норма закрепила народно-разговорную форму с начальным в-, возникшим во избежание «зiania гласных»;

девять – лит. devyni, лтш. devini, др.-прус. newinst, лат. noven, снскр. nava ← и.е. *neun-, поэтому в прасл. должно было быть *neve-. Начальный *d вместо *n появился, как и в литовском и латышском, возможно, под влиянием слова десять. «Происхождение этого и.-е. слова не вполне ясно, но допустимо предположение, что оно находится в связи с и.-е. *neuos ‘новый’, если предположить, что в данном случае имеет место отражение счета четверками» (Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. У. 1. С. 237);

десять – ст.сл. ДЕСАУЪ, прасл. *des(em)ть, лит. desimtis, др.-прусск. dessimpts, лат. decem;

сто – др.р. СЪТО, лат. centum, снскр. satam, гот. hund;

тысяча – др.р. ТЫСЯЧА, ст.сл. ТЫСАШТА. В такой форме известно только для балто-славянских и германских языков типа лит. tūkstantis, гот. rūsundi.

В древнерусских текстах встречаются и наименования чисел больше тысячи: ТЪМА ‘10 тысяч’ (а также ‘несметное множество’, как НЕСЪ(Ъ)ВЪДА и КОЛОДА), ЛЕГИОНЪ ‘100 тысяч’, ЛЕГѠДРЪ ‘1 миллион’, ВРАНЪ / ВОРОНЪ ‘10 миллионов’ (а также ‘несметное множество’). Но их числовое значение или было неопределенным (ТЪМА, КОЛОДА, ВРАНЪ), или это заимствования, которые встречались лишь в переводных текстах. Поэтому их история для формирования числительного как части речи не имеет значения. К тому же некоторые из них вытеснены уже к XVI веку заимствованиями из итальянского миллион, миллиард (итал. mille ‘тысяча’).

Остальные числовые наименования образовывались, как и в современном русском, путем различных комбинаций указанных узловых счетных слов.

Счетными прилагательными были названия единиц от 1 до 4. Согласуясь с существительными, они следующим образом реализуют именные категории:

категория рода: м. ОДИНЪ – ж. ОДЪНА – ср. ОДЪНО, м. ДЪВА – ж., ср. ДЪВЪ, м. ТРИЕ, ЧЕТЫРЕ – ж., ср. ТРИ, ЧЕТЫРИ;

категория числа: ОДИНЪ – только формы единственного числа, ДЪВА – только формы двойственного числа, УРИЕ, ЧЕУЫРЕ – только формы множественного числа;

категория падежа: ОДИНЪ, ДЪВА – флексии местоименного склонения, ТРИЕ, ЧЕТЫРЕ – именного склонения (ТРИЕ как существительные *ї-основ, ЧЕТЫРЕ – как существительные с основой на согласный).

	ед. ч.			дв. ч.		мн. ч.	
	м. р.	ср. р.	ж. р.	м. р.	ср.=ж. р.	м. р.	ср.=ж. р.
И	одинъ одьна		одьно	дъва /оба	дъвъ /объ	три(ь)е /четыри	три /четыре
Р	оди(ь)ного		одьноѡ	дъвою / обою		трии	четырь
Д	оди(ь)ному		одьнои	дъвъма / объма		тръмь	четырьмь
В	одинъ	одьно	одьну	дъва /оба	дъвъ /объ	три	четыри
Т	оди(ь)нѣмь одьною			дъвъма / объма		трѣми	четырьми
М	оди(ь)номь одьнои			дъвою / обою		трѣхъ	четырьхъ

В двойственном числе форма Р.–М. *дъвою* рано вытесняется формой *дъву*: *дъву двору* (Ипатьевская летопись, начало XV), *по дъву же лѣту* (Лаврентьевская летопись, 1377). Появление [х]+ в форме *дъвухъ*, отмечаемое в памятниках с XV века, связано с влиянием формы М. *трѣхъ*, *четырьхъ*. Реликты исходных форм в современном русском языке сохранились в составе сложных слов *двоюродный*, *обоюдный*, *двубортный*, *двужильный*, *двуручный*, *двуокись*, *двууглекислый*, *двудольный*.

Форма Д.–Т. изменяется под влиянием Р.–М. *дъвъма* → *дъвума*, смягчение [м] происходит под влиянием форм *трѣми*, *четырьми*.

Названия единиц от 5 до 9 были счетными существительными и склонялись по типу *ї-основ женского рода типа КОСТЬ. В словосочетании они управляли существительным, количество которого называли, причем, это управляемое существительное употреблялось в форме Р. п. мн. ч.:

И.–В. пять женъ, столъ, сель

Р.–Д.–М. пяти женъ, столъ, сель

Т. пятию женъ, столъ, сель

Счетное существительное 10 склонялось по типу **основ на согласный** мужского рода типа КАМЕНЬ; счетное существительное 100 – по типу *ѡ-основ среднего рода типа СЕЛО:

	ед. ч.		дв. ч.		мн. ч.	
	м. р.	ср. р.	м. р.	ср.=ж. р.	м. р.	ср.=ж. р.
И.	десять	съто	десяти	сътъ	десяте	съта
Р.	десяте	съта	десяту	съту	десять	сътъ
Д.	десяти	съту	десятьма	сътома	десятьмь	сътомь
В.	десять	съто	десяти	сътъ	десяти	съта
Т.	десятьмь	сътьмь	десятьма	сътома	десятьми	съты
М.	десяте	сътъ	десяту	съту	десятьхъ	сътъхъ

Очень рано, в дописьменную эпоху, ДЕСЯТЬ и все счетные слова больше 4 получают единую флексию Т. п. ед. ч. по типу существительных женского рода *ĭ-основ: десятию → десятью, пятию → пятью.

Наименования десятков, сотен и тысяч образовывались в соответствии с морфологическими признаками соответствующих счетных имен.

Поскольку счетное прилагательное ДЪВА употреблялось только в двойственном числе, то указывающие на разряд числа счетные существительные ДЕСЯТЬ, СЪТО, ТЫСЯЧА также имели форму двойственного числа. Счетные прилагательные ТРИЕ, ЧЕТЫРЕ употреблялись только в форме множественного числа, и ДЕСЯТЬ, СЪТО, ТЫСЯЧА в сочетании с ними имели форму множественного числа. При склонении проявляется согласование счетных прилагательных и существительных в падеже. Согласование в роде проявляется в словосочетаниях с ДЪВА / ДЪВЪ в И.–В. п., где флексия мужского рода противопоставлена единой флексии женского и среднего родов; в словосочетаниях с ТРИЕ / ТРИ, ЧЕТЫРИЕ / ЧЕТЫРИ только в И. п.

В словосочетаниях счетных существительных ДЕСЯТЬ, СЪТО, ТЫСЯЧА и ПЯТЬ...ДЕВЯТЬ существительные ПЯТЬ...ДЕВЯТЬ выступают в функции главных слов и требуют от управляемых слов формы Р. п. мн. ч., которая при склонении не изменяется.

	согласование			управление сущ. в Р. мн.
	в роде	в дв. числе	во мн. числе	
И	м. ж.=ср.	дъва десяти дъвѣ сътъ, тысячи	трие десяте три/четыри съта, тысячѣ	пять десять, сътъ, тысячѣ
Р		дъвою десяту, съту, тысячу	трии десять, трии/четырь сътъ, тысячѣ	пяти десять, сътъ, тысячѣ
Д		двъма десятьма, сътома, тысячама	тръмь десятьма, тръмь/ четырьмь сътома, тысячамь	пяти десять, сътъ, тысячѣ
В	м. ж.=ср.	дъва десяти дъвѣ сътъ, тысячи	три десяти три/четыри съта, тысячѣ	пять десять, сътъ, тысячѣ
Т		двъма десятьма, сътома, тысячама	трѣми десятима, трѣми/четырьми сътома, тысячами	пятию десять, сътъ, тысячѣ
М		дъвою десяту, съту, тысячу	трѣхъ десятихъ, трѣхъ/четырьхъ сътъхъ, тысячахъ	пяти десять, сътъ, тысячѣ

Закономерная форма праславянского наименования 40 – *četyre desęte (ср. западноукр. чотыредесят / чотырдесят, серб. чотырdeset, словац. štyridsať) у восточных утрачивается (в древнерусской письменности XIII–XIV веков фиксируются композитные формы с варьированием в первой части ЧЕТЫРЕ<И,Ь> ДЕСЯТЕ<И,Ь>) и заменяется лексическим новообразова-

нием СОРОКЪ. Традиционно его происхождение связывается «с древнерусской мерой отсчета беличьих и собольих шкурок сороками».

Употреблялось и производное сорочькъ – «сорок»... Отсюда счет сороками (сорочками) был перенесен и на деньги. Естественно думать, что сорокъ, сорочькъ в др.-рус. языке сначала представляло собою подобие тары вместимостью в четыре десятка шкурок небольшого пушного зверя. По-видимому, это сорокъ, сорочькъ – не более чем «мужской вариант» сущ. сорочька, сорочица (от *сорока) – «исподняя рубашка», известного с древнейшего времени. Значение единицы счета оно могло получить сначала в речи охотников» [Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1. С. 189. О. Ф. Жолобов дополняет этимологизацию греческим влиянием: «Первоначально это слово являлось обозначением связок пушнины, которые широко использовались в товарно-денежном обороте Древней Руси в упаковках по 40 штук. Закрепление данного числительного в древнерусском языке поддерживалось взаимодействием с близкозвучными греческими лексемами *σαράκοντα* '40' и *σαράκοστη* 'сорокодневный пост' *Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 4 : Числительные / О. Ф. Жолобов. С. 327].

Неясным остается происхождение числительного девяносто. В. Ф. Ржига, а вслед за ним И. В. Ягич возводили его к выражению **nevę* (**devę*) *do съta* 'девятнадцать до сотни'. Г. А. Хабургаев, развивая мнение И. И. Срезневского о том, что это числительное – остаток древней системы счета, существовавшей до десятичной (ср.: *дѣвѣ* девятность мужь, I Псковская летопись; *съ* тремя девяносты, IV Новгородская летопись), определяет эту систему как заимствуемую восточными славянами у дославянского населения, вероятнее всего финноязычного [Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. С. 269].

По О. Ф. Жолобову, десятичного счисления как самостоятельной системы счета не существовало ни у славян, ни у их соседей, в отличие от десятичного счета (счета девятками), который, как и счет 'по девяносту', имел ограниченный характер и не переходил рубежа '3 x 9' (отсюда реликт – за тридевять земель, тридевятое царство). Ученый определяет форму девяносто как результат фонетического преобразования исходного «**nevъp* *desъmtān* '9x10', ключевыми моментами в котором было взаимодействие числительных **nevъp* и **desъmtān*, а также сближение с названием следующего разряда – **съmtān* '100'. Сохранение данного архаизма обусловлено особой ролью числительного '9' в ритуально-магическом счете» (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 4 : Числительные / О. Ф. Жолобов. С. 177–184, 327).

Названия чисел от 11 до 19 представляли собой словосочетания, в которых начальная форма счетных слов, обозначающих единицы, присоединялась к счетному существительному ДЕСЯТЬ в форме М. п. с предлогом НА: ОДИНЪ НА ДЕСЯТЕ, ДѢВА / ДѢВѢ НА ДЕСЯТЕ. Подобная структура отражает закрепление современной десятичной системы счисления, поскольку сочетания типа ОДИНЪ НА ДЕСЯУЕ буквально имело значение 'один сверх десяти', и полностью соответствует греко-византийской традиции буквенной передачи числового значения, например: АІ – 11, ВІ – 12, ЕІ – 15, но КА – 21.

Названия разноразрядных чисел образуются с помощью соединительных союзов и, да, реже – ти, например: ДѢВА ДЕСЯТИ И ПЯТЬ, СЕМЬ ДЕСЯТЬ ДА ТРИ, ДЕВАТЬ ДЕСАТЬ ТИ ДЕВАТЬ.

Названия чисел половинного счета образуются соединением существительного ПОЛЪ ‘половина’ с счетным прилагательным (по школьной грамматике, порядковым числительным) в именной форме типа ВТОРЪ, -А, -О; ПЯТЬ, -А, -О: ПОЛЪ ВЪТОРА ‘один с половиной’, ПОЛЪ ОСЬМА НА ДЕСЯТЕ ‘семнадцать с половиной’, ПОЛЪ ПЯТА ДЕСЯТЕ ‘45’.

Реже используется местоименная форма прилагательного, например в Мстиславовой грамоте 1130 года: ПОЛЪ ТРЕТИЕ ДЕСАТЕ ГРИВЪНЪ ‘25’. По наблюдениям О. Ф. Жолобова, реликтами старинного половинного счета являются современные разговорные обозначения получаса типа полдевятого ‘8 / 20 часов тридцать минут’, полвторого ‘1 / 13 часов тридцать минут’.

Название половинного счета всегда употреблялось в сочетании с существительным, на количество которого указывало: это существительное управлялось словом ПОЛЪ и имело форму Р. ед. ч., а именная / местоименная форма счетного прилагательного согласовывалась с этим существительным.

II

Оформление числительного как части речи завершается к XIV–XV векам и связывается учеными с утратой категории двойственного числа и родовой принадлежности узловых счетных слов (кроме один, -а, -о и два, -е).

Проследим эти изменения:

– утрата формы двойственного числа и совпадение форм единственного и множественного числа счетного слова ДЕСЯТЬ в составных числовых наименованиях 11–19, 20, 30: Ср. ОДИНЪ НА ДЕСЯТЕ (М. ед.), ДЪВА ДЕСЯТИ (И. дв.), ТРИЕ ДЕСЯТЕ (И. мн.);

– выравнивание этих форм (десять) и утрата восприятия этого слова как самостоятельного существительного;

– трансформация его в несклоняемый словообразовательный компонент – суффикс в результате редукции его фонетического состава: десять → д(е)сять → дс’ат’ → (ассимиляция) тс’ат’ → (упрощение) цат’;

– в силу утраты частеречной значимости компонента цат’ происходит стяжение счетного словосочетания, первый компонент в котором прекращает восприниматься как счетное прилагательное: ОДИНЪ НА ДЕСЯТЕ → одиннадцать, ДЪВА ДЕСЯТИ → двадцать, ТРИЕ ДЕСЯТЕ → тридцать.

Новообразования склоняются по типу *ї-основ (а не основ на согласный, как др.р. ДЕСЯТЬ) и имеют парадигму, в которой различаются три формы:

И.–В. **Пять десять одиннадцать двадцать семьдесят**

Р.–Д.–М. **пяти десяти одиннадцати двадцати семидесяти**

Т. **пятью десятью одиннадцатью двадцатью семьдесятю**

Стяжение в счетных словосочетаниях **пять десять – восемь десять** и названий сотен **от 200 до 900** происходит позднее. Именно этим можно объ-

яснить изменение – появление внутренней флексии – при склонении обеих частей образовавшегося сложного слова:

пятидесяти, шестьюдесятью, восьмистам.

Изменение парадигм склонения счетных слов 40, 90 приводит к противопоставлению формы И.–В. и формы Р.–Д.–Т.–М.: сорокъ – сорока, девяносто – девяноста. По аналогии с ними такую же парадигму приобретает счетное существительное 100: сто – ста.

Непосредственно с утратой двойственного числа связано формирование специфической сочетаемости современных числительных с существительными. Утрата значения конкретной множественности счетным словом ДЪВА приводит в формированию общего значения абстрактной множественности у числительных 2, 3, 4.

Первоначально формы множественного числа существительного при слове ДЪВА / ДЪВЪ наблюдаются в косвенных падежах. Однако закрепления такой сочетаемости в И.–В. п. (ДВА СТОЛЫ, как ТРИ / ЧЕТЫРЕ СТОЛЫ) не происходит. В мужском роде сохраняется исконная флексия двойственного числа -А, омонимичная форме Р. ед. ч. После утраты категории двойственности эта флексия естественно осмысливается как показатель формы Р. ед. ч. По аналогии и у существительных среднего и женского рода закрепляются флексии Р. ед. ч. (ДВА ОКНА, ДВЪ СТЕНЫ). Аналогией объясняется распространение этой флексии на сочетаемость существительных с числительными три, четыре (ТРИ СТОЛА, ОКНА, СТЕНЫ).

Такая сочетаемость наблюдается не ранее XVI века.

Итак, в современном русском языке

– числительное *один* сохранило исходное согласование с существительным (*один стол, одно окно, одна стена*);

– числительные *два, три, четыре* в И.–В. управляют формой Р. ед. существительного, однако прилагательное в этих конструкциях может выступать в форме множественного числа, отражая осознаваемое значение множественности (*два, три, четыре деревянных стола, как пять деревянных столов*); в косвенных падежах числительные согласуются с существительными, обязательно имеющими форму множественного числа (*Р. двух, трех, четырех столов, окон, стен; Д. двум, трем, четверем столам, окнам, стенам*);

– числительные от *пяти* управляют формой Р. мн. ч. существительного.

Лекция: ИСТОРИЯ ГЛАГОЛА

1. Категории и формы глагола в древнерусском языке.
2. Типы формообразующих глагольных основ (для самостоятельного изучения).
3. Временные формы древнерусского глагола и их эволюция:
 - а) формы настоящего времени;
 - б) формы будущего времени;
 - в) формы прошедшего времени.
4. Формы ирреальных (сослагательного и повелительного) наклонений и их история (для самостоятельного изучения).
5. Именные формы в древнерусской глагольной системе (инфинитив, супин).
6. Древнерусские причастные формы и их история.

Литература:

- Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 251–305.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. – М., 1981. – С. 278–357.
- Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. – М., 1990. – С. 313–362.
- Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. – М., 1982. – С. 190–198.
- Абдулхакова Л. Р. Развитие категории деепричастия в русском – Казань, 2007. – С. 8–87.

I

Как самостоятельной части речи современному глаголу присущи категории вида, времени, наклонения, числа, лица и залога. Они присущи и исходной славянской глагольной системе, в том числе и древнерусской. Существенные различия древнерусской и современной систем наблюдаются в формах выражения этих категорий и их значимости.

До сих пор в науке не сформировано единой позиции о времени закрепления современной категории вида как парного противопоставления значения ограниченности~неограниченности пределом действия во времени.

Большинство ученых до 70-х годов XX века склонялись к мнению, впервые сформулированному Ю. С. Масловым: славянский глагольный вид возникает в поздний праславянский период, и, соответственно, в древнерусском языке начального периода противопоставления СВ~НСВ еще не было завершено, а лишь формировалось в рамках взаимодействия видовременных отношений. Это противопоставление не совпадало с современным, поскольку было очень тесно связано с выражением способов глагольного действия, ко-

торые реализуют различные временные, количественно-временные и результативные модификации действия, выраженные с помощью словообразовательных формантов, например: начинательный загреметь/греметь, однократный толкнуть/толкать, накопительный настрелять/стрелять и т.д.

Иной точки зрения придерживаются Г. А. Хабургаев и К. В. Горшкова: современное противопоставление СВ~НСВ сформировалось еще в конце праславянского периода, поэтому различия между древнерусской и современной видовыми системами касаются не меньшей или большей последовательностью в парном противопоставлении глаголов по виду, а в неодинаковой «ценности» вида в системе глагольных категорий: в современном русском языке видовое значение неотделимо от временного (глагол СВ сделать не имеет формы настоящего времени); в древнерусском языке вид и время функционируют самостоятельно и вид не влияет на образование глагольных форм (любая временная форма образуется и от глагола СВ, и от глагола НСВ).

Старейшим средством видообразования, по мнению большинства исследователей, является префиксация, и, как уже было сказано, образование вида последовательно связывается с глагольным словообразованием, поскольку приставки чаще всего, кроме видового различия, приносят и различия лексические, характеризующие способ глагольного действия (ПИСАТИ – ДОПИСАТИ – ПОДЪПИСАТИ – ПРЪПИСАТИ). На ранних этапах развития глагольного вида существенную роль играло корневое чередование гласных **о//а, е//ё, ь//и, ь//ы** (ПРИКОСНУТИ – ПРИКАСАТИ, ПОГРЕСТИ – ПОГРЪБАТИ, СЪЗДАТИ – СЪЗИДАТИ, НАСЪЛАТИ – НАСЫЛАТИ). Суффиксация как средство видообразования развивается в ходе отбора суффиксов имперфективации -j- /-ja- / -ва- / -ива- (образования НСВ ДАТИ-ДАЯТИ-ДАВАТИ-ДАВЫВАТИ) и перфективации -ну- (образования СВ ТОЛКАТИ-ТОЛКНУТИ).

Категория залога в древнерусском языке, как и в современном, проявляется в оппозиции действительного залога (представляет действие как исходящее от субъекта и реализуется в активных синтаксических конструкциях, где подлежащее – название действующего субъекта, а объект выражен формой В. п. типа студенты сдают экзамены) ~ страдательного залога (представляет действие как пассивный признак объекта и реализуется в пассивных конструкциях, где подлежащее – название объекта, на который направлено действие, а название действующего субъекта стоит в форме Т. п. типа экзамены сдаются студентами). Действительный залог характеризуется отсутствием показателя страдательности, то есть он оформлен негативно. Страдательный залог выражается двумя способами: 1) прибавлением к глагольной форме возвратной частицы СЯ, трансформировавшейся из формы В. п. возвратного местоимения СЕБЯ; 2) формой страдательного причастия.

Первый способ проявляется нерегулярно, так как залоговое значение

страдательности у древнерусских возвратных глаголов проявляется, по подсчетам исследователей, лишь в 20 % от общей употребительности возвратных глаголов, то есть чаще всего эти глаголы используются не в контекстах страдательности. К тому же местоположение СЯ по отношению к глаголу вплоть до XVII века в книжно-литературной письменности свободно, что можно объяснить ориентацией на церковнославянскую традицию, например: ВСА ЗЕМЛА ДА ПОКЛОНИТЬ ТИ СА (Соч. Кирилла Туровского, вторая половина XII). В деловой письменности в страдательных конструкциях возвратные глаголы используются редко, поэтому большинство историков языка определяют категорию залога как слабо представленную в древнерусском языке.

Второй способ – формы страдательных причастий – регулярно выражает залоговые значения: ДА НИКТО ЖЕ ДЕРЗНЕТЬ РЕЩИ АКО НЕНАВИДИМИ БОГОМЪ ЕСМЫ (Повесть временных лет, начало XII). В этой пассивной конструкции возможна замена причастия невозвратным глаголом: пусть никто не дерзнет сказать, что Бог ненавидит нас.

Система временных форм древнерусского глагола, существенно отличающаяся от современной, включала 1 парадигму форм настоящего / будущего простого времени; 4 парадигмы прошедшего времени (2 синтетических – аорист и имперфект, 2 аналитических – перфект и плюсквамперфект); 2 парадигмы форм будущего времени (преждебудущее БУДУ ПИСАЛЪ и будущее абсолютное БУДУ ПИСАТИ).

В отличие от современного русского языка:

– каждая из парадигм употреблялась строго закономерно для обозначения определенного отношения действия к моменту речи, грамматическая омонимия форм не наблюдалась (ср. в современном русском языке: *А он возьми да и скажи.* – императив в значении претерита; *Завтра иду в гости.* – настоящее время в значении будущего; *Я пошел домой, а вы оставайтесь.* – прошедшее время в значении будущего; *В 1858 Буслаев создает первую историческую грамматику русского языка.* – настоящее время в значении прошедшего);

– все временные формы выступали в 1, 2, 3-м лице ед., дв. и мн. ч., кроме того, перфект, плюсквамперфект и преждебудущее время различались по родам (ср. в современном русском языке *Я внимательно изучу* (др.р. БУДУ ИЗУЧИЛЪ, -А, -О) и *буду знать* (абсолютное будущее) историю категории времени).

II

Как и в современном русском языке, древнерусские временные формы образовывались от основ настоящего времени (формы спряжения в настоящем времени, причастия настоящего времени, повелительное наклонение) и от основ прошедшего времени (формы спряжения в прошедшем времени, причастия прошедшего времени, супин, инфинитив).

Выделяется пять типов основ инфинитива (прошедшего времени).

I тип – основы оканчиваются твердым корневым согласным, который еще в праславянскую эпоху мог претерпеть фонетические изменения во взаимодействии с суффиксом, начинающимся с согласного, например: др.р. ВЕСТИ ← прасл. *ved-ti → прич. ВЕД-ЪШИ, ВЕД-Л-Ъ; др.р. МОЧИ ← прасл. *mog-ti → МОГ-ЪШИ, МОГ-Л-Ъ.

II тип – основы оканчиваются корневым гласным, обычно дифтонгом по происхождению: БИ-ТИ, ДУ-ТИ, МЫ-ТИ, ПЪ-ТИ (прасл. *poi-ti).

III тип – основы с суффиксом -НУ- (ГАС-НУ-ТИ, УСЪ-НУ-ТИ, МИ-НУ-ТИ, ДУ-НУ-ТИ) делятся на два подтипа. В первом основы с суффиксом, присоединившимся к корневой морфеме на согласный, первоначально образовывали формы без -НУ-: *sъr-nŋ-ti (Ср. различия корня в совр. сп-ать, сон, усну-вший - усоп-ший), *vęd-nŋ-ti → совр. вял / разг. вянул, совр. гас / разг. гаснул. Второй подтип: во всех формах последовательно сохраняется суффикс -НУ-: ДУ-НУ-ЛЪ, ДУ-НУ-ВЪШИ.

IV тип – основы, оканчивающиеся суффиксальным гласным -ѣ-, который мог входить в состав более сложных суффиксов, типа ВИС-Ъ-ТИ, КРИЧ-А-ТИ, БЫ-ВА-ТИ.

V тип – основы, оканчивающиеся суффиксальным гласным -И- типа ПРОС-И-ТИ, ХОД-И-ТИ.

В зависимости от того, присоединяются ли флексии настоящего времени непосредственно к корню (без тематического гласного) или после тематического гласного, в древнерусском языке, как и в старославянском, различаются глаголы нетематического и тематического спряжения.

В нетематическое, или атематическое спряжение входят глаголы БЫТИ, ДАТИ, ИМЪТИ, ЪСТИ, ВЪДЪТИ ‘знать’, у которых при образовании форм настоящего времени флексии присоединялись непосредственно к корню.

Другой класс – все остальные глаголы, у которых к основе присоединяется тематический гласный -И- или -О-/-Е- (отражение праиндоевропейского качественного чередования), а затем – флексия. Эти гласные могли осложняться, в зависимости от типа глагольной основы, предшествующими звуками *n или *j, например в форме 1-го л. ед. ч. прасл. *hval-i-om / *nes-o-om / *zna-jo-om / *sta-no-om.

Фонетические процессы праславянской эпохи привели к деэтимологизации исходных отношений темы и флексии, и в древнерусский период тема уже воспринимается как составная часть флексии: ст.сл. ХВАЛ’ЮЖ, др.р. ХВАЛЮ, НЕСУ, ЗНАЮ, СТАНУ. Таким образом, понятие тема в древнерусской глагольной системе имеет характер традиции, не отражая реальных отношений в строении форм настоящего времени.

Основы настоящего времени также представлены пятью типами.

I тип – основы, у которых корневая морфема оканчивается твердым согласным, имеют тематический гласный -О-/-Е-, например: НЕС-Е-МЪ, НЕС-У-ТЬ.

II тип – основы с суффиксом -н- имеют тематический гласный -О-/-Е-, например: ГАС-Н-Е-МЪ, ГАС-Н-У-ТЬ.

III тип – основы с суффиксом -j- имеют тематический гласный -О-/-Е-, например: ЗНА-[j-Е]-МЪ, ЗНА-[j-У]-ТЬ; ПИШ-Е-МЪ (*pis-j-), ПИШ-У-ТЬ.

IV тип – основы с темой -И-, например: ХВАЛ-И-МЪ, ХВАЛ-ЯТЬ (*chval-i-ntī).

V тип – нетематическое спряжение. Оно сохранило наиболее древний способ глагольного формообразования, поскольку непосредственное присоединение окончаний к корню, содержащему чередование гласных О/Е, являлось господствующим типом среди корневых образований. По мнению А. Мейе, «во всех языках, за исключением древних индоиранских языков, нетематические основы настоящего времени с самого начала исторического периода имеют тенденцию к исчезновению»: некоторые корни нетематического спряжения «вышли из употребления или не имеют уже настоящего времени», другие были замещены иными формами (например, исконно ГЪНАТИ имел форму нетематического спряжения ЖЕНЖ, но она вытесняется тематической основой с суффиксом -j-) [Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951. С. 164–165].

III

Формы настоящего времени

НЕТЕМАТИЧЕСКОЕ СПРЯЖЕНИЕ

число	лицо	БЫТИ	ДАТИ прасл.*dad-ti	ЪСТИ прасл.*jěd-ti	ВЪДЪТИ	ИМЪТИ
ед.	1-е	е-с-мь	да-мь	ѣ-мь	вѣ-мь	има-мь
	2-е	е-с-и	да-си	ѣ-си	вѣ-си	има-ши
	3-е	е-с-ть	да-сть	ѣ-сть	вѣ-сть	има-ть
дв.	1-е	е-с-вѣ	да-вѣ	ѣ-вѣ	вѣ-вѣ	има-вѣ
	2–3-е	е-с-та	да-ста	ѣ-ста	вѣ-ста	има-ста
мн.	1-е	е-с-мь	да-мь	ѣ-мь	вѣ-мь	има-мь
	2-е	е-с-те	да-сте	ѣ-сте	вѣ-сте	има-те
	3-е	с-уть	дад-ять	ѣд-ять	вѣд-ять	им-уть

Комментарий к парадигме

Ранние процессы.

– В древнерусских памятниках письменности последовательно нетематическое спряжение отражали глаголы БЫТИ, ДАТИ, ЪСТИ; у глаголов ВЪДЪТИ, ИМЪТИ обнаруживаются лишь отдельные нетематические формы: ВЪДЪТИ был заменен однокоренным глаголом 3-го типа ВЪДАТИ; к этому же типу уже с XI века тяготеет глагол ИМЪТИ, что отражается, например, в Изборнике Святослава 1073 года – ИМЪЮ.

– Презенсные формы глагола БЫТИ образовывались от супплетивной основы *jes-*, что восходит к праиндоевропейской эпохе (скр. *asmi*, гр. *εἶμι*, гот. *im*). Конечный согласный корня еще в дописьменную эпоху отошел к флексии. Уже в праиндоевропейскую эпоху форма 3-го л. мн. ч. СУТЬ имеет нулевой вокализм корня (скр. *santi*, гот. *sind*, лат. *sunt*).

– В формах 1–2-го л. ед. ч., 1-го л. дв. ч., 1-го л. мн. ч. ДАТИ, ЪСТИ, ВЪДЪТИ в праславянскую эпоху происходит упрощение групп согласных (например, прасл. **dadmъ* → **damъ*), в формах 3-го л. ед. ч., 2-го л. дв.–мн. ч. – диссимиляция (например, прасл. **dadъ* → **dastъ*, прасл. **vѣd-vѣ* → **vѣ-vѣ*).

– Флексия 2-го л. ед. ч. глагола ИМА-ШИ совпадала с тематическим спряжением.

Происхождение согласного **š'* связано с глаголами 4 типа с темой -И-, в которых исконный **s* после **i* перешел в **ch*, давший вследствие первой палатализации **š'*. По аналогии с глаголами этого класса в тематическом спряжении распространилось это окончание. Сам глагол во всех формах, кроме 1-го л. ед. ч., отражает тематическое спряжение.

Отличия от старославянской парадигмы:

– В формах 3-го л. ед.–мн. ч. др.р. ЮСТЬ, СЖТЬ вместо ст.сл. ЮСТЬ, СЖТЬ.

– В древнерусском языке флексии 2–3-м л. дв. ч. всех глаголов совпадают, а в сарославянском дифференцируются, например, БЫТИ во 2-м л. ЮСТА, в 3-м л. ЮСТЕ.

– Начало восточнославянского глагола ЪСТИ и всех его форм в старославянском языке изменяется в **ja+* АСТИ, АЕМЬ и т.д. как результат изменения прасл. **ě* в позиции после протетического **j* в **a*, как и после других мягких согласных, например, прасл. **krikęti* → **krič'ati*. Ср. начало слов еда и яства.

Реликты в современном русском языке.

– Из исходных парадигм нетематического спряжения ЪСТИ, ДАТИ в современном русском языке закрепились формы 1-го л. ед. ч. ем, дам (только будущее время) / 3-го л. ед. ч. ест, даст / 3-го л. мн. ч. едят. Формы 2-го л. ед.–мн. ч. *ешь, дашь, едите, дадите* возникли под влиянием форм повелительного наклонения (др.р. ЕЖЬ, ДАЖЬ, ЕДИТЕ, ДАДИТЕ). Формы 1-го л. ед.–мн. ч. Ъ-МЬ, Ъ-МЬ совпали после падения редуцированных; их дифференциация происходит под влиянием формы 1-го л. мн. ч. императива ЪДИМЬ.

– Из парадигмы глагола БЫТИ форма 3-го л. ед. ч. есть реализуется как полнозначный глагол в конструкциях типа В библиотеке есть эти книги. Формы 3-го л. ед.–мн. ч. есть, суть в контекстах научного стиля выступают в функции глагола-связки настоящего времени:

Глагол есть часть речи. Время и пространство суть грамматические категории. Не суть важно (без дифференциации категории числа). Но чаще суть

выступает как существительное в конструкциях типа *суть* высказывания, *суть* вопроса.

В языке фольклора, а также как средство стилизации отражается форма 2-го л. ед. ч. в конструкции Ой, ты **гой еси**, добрый молодец (ГОИТИ ‘жить в мире, умиротвориться’).

– Формы глаголов ВЪДЪТИ, ИМЪТИ в устойчивых сочетаниях и пословицах: *бог вестъ; и глух и нем – греха не вем; ем, а дела не вем; мертвые сраму не имут; невестъ* ‘неизвестно’ в сочетании с относительными местоимениями и наречиями *кто, что, какой, чей, как, куда, откуда* и т.п.

ТЕМАУИЧЕСКОЕ СПРЯЖЕНИЕ

число	лицо	I тип НЕС-ТИ	II тип СТА-ТИ	III тип ЗНА-ТИ	IV тип ХОД-И-ТИ
ед.	1-е	нес-у	ста-н-у	зна[j]-у	ход-ю
	2-е	нес-еши/ь	ста-н-еши/ь	зна[j]-еши/ь	ход-иши/ь
	3-е	нес-еть	ста-н-еть	зна[j]-еть	ход-ить
дв.	1-е	нес-евѣ	ста-н-евѣ	зна[j]-евѣ	ход-ивѣ
	2–3-е	нес-ета	ста-н-ета	зна[j]-ета	ход-ита
мн.	1-е	нес-емъ	ста-н-емъ	зна[j]-емъ	ход-имъ
	2-е	нес-ете	ста-н-ете	зна[j]-ете	ход-ите
	3-е	нес-уть	ста-н-уть	зна[j]-уть	ход-ять

Комментарий к парадигме

– По-разному реконструируется учеными первоначальное качество древнерусской флексии 2-го л. ед. ч. По мнению авторов академической «Исторической грамматики русского языка», исконной в тематическом спряжении является -ШИ, последующее сокращение которой в -ШЬ наблюдается в памятниках письменности с XII века [Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. С. 56–57]. В соответствии с иным мнением (например, П. Я. Черных, К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев), -ШИ вряд ли свойственно живой речи, скорее всего это церковнославянизм, широко распространенный в книжно-славянской письменности.

– Неоднозначна трактовка истории флексии 3-го л. ед.–мн. ч. (др.р. -ТЬ / ст.сл. -ТЬ).

По фонетической гипотезе А. А. Шахматова, отвердение происходит после падения редуцированных. Морфологической гипотезы придерживаются Ф. Ф. Фортунатов, С. П. Обнорский, П. С. Кузнецов: опираясь на отсутствие во многих русских диалектах в этих формах конечного [т], они предполагают его утрату еще в праславянский период; позднее к формам присоединяется древнее указательное местоимение *тъ.

Как уточняют К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев, возможно, без *тъ форма выражала значение неопределенности, например в Приписке к Остромирову Евангелию **ДА ИЖЕ ГОРАЗНЪЕ СЕГО НАПИШЕ** ‘кто-то напишет’. Поскольку категория определенности~неопределенности не закрепились в языке, -ТЬ стал показателем 3-го лица.

П. Я. Черных видит причину отвердения конечного звука омонимией с формой инфинитива (ГОВОРИТЬ), однако необходимо указать, что в период существования флексии 3-го л. ед. ч. -ТЬ инфинитив имел суффикс -ТИ.

Совершенно другую позицию занимает Н. Д. Русинов, определяющий экстралингвистические причины отвердения флексии. Это отвердение происходит в северновеликорусском наречии, территория локализации которого граничит с финно-угорскими языками мери, муромы, мари, где глаголы 3-го л. оканчиваются твердым [т].

Южновеликорусские наречия, под влиянием пограничных с ними мордовских языков, где в этих формах мягкий [тʼ], получают этот вариант. Таким образом, по Н. Д. Русинову, причиной процесса становится влияние финно-угорского субстрата.

– В 1-м л. мн. ч. наиболее частотен вариант флексии -МЪ, однако в памятниках письменности отмечаются, хотя и немногочисленные, варианты -МО/-МЫ/-МЕ. Не допуская возможность превращения Ъ в слабой позиции в гласные полного образования и учитывая функционирование в других славянских языках как нормативных вариантов сербск. -мо, чешск. -ме, польск. -мы, историки языка считают вероятным существование в

праславянском языке всех этих вариантов. Позднее они дифференцировались по диалектам, легшим в основу южнославянских, западнославянских и восточнославянских языков.

– Эволюция флексий 3-го ед. и 1-го мн. ч. – результат третьей лабиализации: в форме 2-го л. ед. ч. после отвердения *ш+, в форме 2-го л. мн. ч. – по аналогии.

Формы будущего времени

Для выражения значения действия, которое произойдет в будущем, использовались:

1) синтетические конструкции, совпадающие с формами настоящего времени, например: ИДИТЕ СЪ ДАНЬЮ ДОМОВИ, А Я ВОЗЪВРАЩАЮСЯ ПОХОЖА И ЕЩЕ (Повесть временных лет, начало XII);

2) аналитические конструкции со вспомогательными глаголами, определяемые как сложное будущее абсолютное и сложное будущее относительное.

Сложное будущее абсолютное (по терминологии традиционных европейских грамматик, будущее I) представляло собой сочетание инфинитив и вспомогательного глагола в форме настоящего / будущего простого ХОЧЮ, НАЧЬНУ/ПОЧЬНУ, ИМАМЬ, БУДУ, причем форма с БУДУ в древнерусских текстах наименее употребительна.

По семантике форма сложного будущего абсолютного отличается от простого будущего менее тесной связью с моментом речи и наличием модальных оттенков, передаваемых вспомогательным глаголом: ХОЧУ – оттенок желательности, ИМАМЬ – обладания, НАЧЬНУ – начинательности, например: АЗЪ ЧАДЪ РЕКОУ ВАМА ЧЛОВЪЧА ЖИТИЯ ОТИТИ ХОШТЯ

(Изборник Святослава, 1076); КАКО АЗЪ (князь Святославъ Игоревичъ. – В. К.) ХОЧЯ ИНЪ ЗАКОНЪ ПРИЯТИ ЕДИНЪ, А ДРУЖИНА СЕМУ СМЪЯТИСЯ НАЧНУТЬ; АЩЕ КТО НЕ ПРИСТУПИТЬ, С УТРА ПРЕДАТИСЯ ИМАМЪ (оттенок ‘неизбежно произойдет’) ПЕЧЪНЕГОМЪ (Повесть временных лет, начало XII); АДЕ БУДЕТЬ РУСИНУ ТОВАРЪ ИМАТИ (оттенок ‘случится, придется’) НА НЕМЧИНИ ... А РУБЕЖА НЕ ДЪЯТИ (Смоленская грамота, 1229).

Формы относительного будущего времени (будущее сложное II) имеют значение предшествования будущему, поэтому для его обозначения используются термины «предбудущее» / «преждебудущее» время. Это значение проявляется и в формообразовании: к действительному причастию прошедшего времени на -л- основного глагола, которое изменяется по родам и числам, присоединяется форма настоящего времени глагола БЫТИ.

лицо	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1-е	буду (на)писаль,-а,-о	будевъ (на)писала,-ъ,-ѣ	будемъ (на)писали,-ы,-а
2-е	будеши (на)писаль,-а,-о	будета (на)писала,-ъ,-ѣ	будете (на)писали,-ы,-а
3-е	будеть (на)писаль,-а,-о	ѣ	будуть (на)писали,-ы,-а

Историки языка отмечают в семантике форм преждебудущего времени модальный оттенок ‘случится, обнаружится в будущем’, например в Приписке монаха Лаврентия к летописи 1337 года ОЖЕ СЯ ГДЪ БУДУ ОПИСАЛЪ ИЛИ ПЕРЕПИСАЛЪ ИЛИ ДОПИСАЛЪ, ЧТИТЕ ИСПРАВЛИВАЯ говорится о возможности обнаружения в будущем того, что уже сделано им, то есть ‘если в будущем читатель обнаружит, что я допустил ошибку...’.

Эти формы редки в повествовательных древнерусских текстах, поскольку для них нехарактерно преждебудущее значение; они характерны для формулировок правовых норм, то есть для деловых текстов.

Эволюция форм будущего времени

В истории языка происходит временная дифференциация форм, образованных от основ разного вида: древнерусские формы ПИШУ, НАПИШУ были противопоставлены по виду, но обе они по категории времени и форма настоящего, и форма будущего простого. В ходе языкового развития они начинают противопоставляться и как временные, и как видовые, и уже в Грамматике Лаврентия Зизания (1596) формы спасаю, являю даются как формы настоящего времени, спасу, явлю – как формы будущего.

Таким образом, за формами несовершенного вида закрепляется значение настоящего времени, за формами совершенного – будущего. В результате дифференциации возникает потребность в образовании форм будущего времени от глаголов несовершенного вида, то есть потребность в аналитической

конструкции, которая не будет иметь модальных оттенков. В течение XV–XVII веков в этой функции закрепляется конструкция БУДУ + инфинитив, чему способствовали синтаксические функции глагола БУДУ: 1) форма БУДУ могла выступать в качестве простого глагольного сказуемого в конструкциях типа КТО БЫЛЪ ТУ, ТО БУДЕТЕ ПОСЛУХЪ (Смоленская грамота, 1229);

2) форма БУДУ могла выступать в качестве глагола-связки в составном именном сказуемом со значением абсолютного будущего времени без модальных оттенков в конструкциях типа ПО БОЗЬ ТЫ ИМЬ БУДЕШЬ ПЕЧАЛНИКЪ (Московская грамота, 1328).

Формы прошедшего времени

Для выражения значения действия, которое произошло в прошлом, использовались четыре формы претерита (лат. praeteritum ‘прошедшее время’): 2 синтетические – аорист, имперфект; 2 аналитические – перфект, плюсквамперфект. Уаким образом, претеритальная система в целом совпадает со старославянской, что, однако, характерно только для текстов книжно-славянской письменности; тексты делового и бытового характера практически не содержат форм имперфекта, редко используют аорист.

Аорист (гр. ἀόριστος ‘неопределенный, неограниченный’) – наиболее употребительная форма книжно-славянских повествовательных текстов, которая обозначает действие, целиком отнесенное в прошлое и представленное как единый, нерасчлененный акт. В соответствии со значением реализуется при описании событий, последовательно сменяющих друг друга в прошлом, именно поэтому очень частотен в летописях.

	НЕС-ТИ	КУПИ-ТИ	РЕЧИ		БЫТИ	
			тематич.	нетематич.	БЫ-	БЪ-
ед. ч. 1-е л.	нес-о-хъ	купи-хъ	рек-о-хъ	рѣ-хъ	бы-хъ	бѣ-хъ
2–3-е л.	нес-е	купи	реч-е	реч-е	бы(сть)	бѣ
дв.ч. 1-е л.	нес-о-ховѣ	купиховѣ	рекоховѣ	рѣховѣ	быховѣ	бѣховѣ
2–3-е л.	нес-о-ста	куписта	рекоста	рѣста	быста	бѣста
мн.ч. 1-е л.	нес-о-хомъ	купихомъ	рекохомъ	рѣхомъ	быхомъ	бѣхомъ
2-е л.	нес-о-сте	куписте	рекосте	рѣсте	бысте	бѣсте
3-е л.	нес-о-ша	купиша	рекоша	рѣша	быша	бѣша

Комментарий к парадигме

– Если в старославянских текстах фиксируются формы простого (асигматического), древнего (нетематического) сигматического и нового (тематического) сигматического аориста, то для древнерусского языка характерны формы **сигматического аориста**.

Простой аорист образовывался от основ на согласный НЕС- (НЕСТИ), ВЕД- (ВЕСТИ ← *ved-ti), ПАД- (ПАСТИ ← *pad-ti), МОГ- (МОШТИ ←

*mog-ti), РЕК- (РЕШТИ ← *rek-ti), ДВИГ- (ДВИГНЖТИ) и т. п. присоединением к ним тематических гласных о (1-е л. всех чисел и 3-е л. мн. ч.) и е (в остальных формах) и соответствующих окончаний, например: ед. ч. 1-е л. МОГЪ, 2–3-е л. МОЖЕ; дв. ч. 1-е л. МОГОВЪ, 2-е л. МОЖЕТА, 3-е л. МОЖЕТЕ; мн. ч. 1-е л. МОГОМЪ, 2-е л. МОЖЕТЕ, 3-е л. МОГЖ. Он архаичен уже для старославянских памятников, где фиксируются лишь формы 2–3-е л. ед. ч.

В образовании сигматического аориста участвует исконный суффикс аориста *s (греч. Σ ‘сигма’), который на славянской почве после индоевропейских *i, *u, *r, *k мог переходить в *ch, в результате палатализации дающего *š’; еще в праславянский период суффикс сливается с флексией.

Архаично образование нетематического сигматического аориста от основ на согласный, например: 1-е л. ед. ч. РЪХЪ (РЕШТИ), ВЪСЪ (ВЕСТИ). В отличие от него тематический сигматический аорист образуется путем присоединения суффикса *s не непосредственно к основе инфинитива на согласный, а после тематического гласного о/е.

При образовании аориста от основ инфинитива на гласный (II–V типы) суффикс *s присоединяется непосредственно к основе без тематического гласного. Отметим, во 2–3-м л. ед. ч. в древнерусской парадигме, как и в старославянской, закрепляется форма простого (асигматического) аориста.

Исключением является глагол РЕЧИ, который используется в древнерусской письменности и в форме тематического, и в форме нетематического сигматического аориста. Глагол БЫТИ образует формы аориста от основы инфинитива БЫ- и от основы БЪ- (предполагается, что изначально она имела значение имперфекта).

– Как и в старославянском языке, древнерусские формы аориста от основ II типа могут сопровождаться в 3-м л. ед. ч. вторичным окончанием -ТЪ: БИТЬ (вм. БИ), ПИТЬ (вм. ПИ), НАЧАТЬ (вм. НАЧА); в нетематических глаголах -СТЬ (БЫСТЬ, ДАСТЬ).

– Аорист утрачивается в живой древнерусской речи в XIII–XIV веках, что отражается в ошибках книжников типа И НЕ ПОКОРИШАСЯ ВАСИЛКО (3-е л. мн. ч. вместо требуемого подлежащим ед. ч. ПОКОРИСЯ).

Реликтами его форм в современном русском языке являются:

– связка сослагательного наклонения бы (исторически 2–3-е л. ед. ч. БЫТИ);

– междометие чу! ‘требование тишины, чтобы что-то услышать’ (исторически 2-е л. ед. ч. ЧУТИ ‘слышать’; ср. совр. чуешь ‘слышишь’);

– по А. А. Шахматову, употребление единственного числа повелительного наклонения (чаще всего в сочетании с императивом возьми) для выражения внезапного, неожиданного действия в конструкциях типа Ему бы промолчать, а он возьми и скажи;

– по А. А. Шахматову, к простому аористу восходят формы глагольных междометий *бряк, звяк, глядь, топ, хватъ* и т. п. в контекстах типа *Тихохонько Медведя толк ногой (И. А. Крылов)*;

– глагольные формы во фразеологизмах *погибоша аки обры, одним махом семерых убивахом*.

Имперфект (лат. *imperfectum* ‘несовершенное’) передает значение действия, совершенного в прошлом как процесс, поэтому главное отличие в его использовании от аориста таково: аорист используется, когда надо сообщить, что действие/событие произошло; имперфект – когда надо сообщить, что оно произошло именно так.

	I тип основ НЕСТИ	II-IV типы основ ПИСАТИ, ВИДѢТИ		V тип основ ХОДИТИ	БЫТИ
ед. ч. 1-е л.	несяхъ	писахъ	видяхъ	хожахъ	бяхъ
2-3-е л.	несяше(ть)	писаше(ть)	видяше(ть)	хожаше(ть)	бяше(ть)
дв. ч. 1-е л.	несяховѣ	писаховѣ	видяховѣ	хожаховѣ	бяховѣ
2-3-е л.	несяста	писаста	видяста	хожаста	бяста
мн. ч. 1-е л.	несяхомъ	писахомъ	видяхомъ	хожахомъ	бяхомъ
2-е л.	несясте	писасте	видясте	хожасте	бясте
3-е л.	несяху(ть)	писаху(ть)	видяху(ть)	хожаху(ть)	бяху(ть)

Комментарий к парадигме

– В соответствии с претеритальной семантикой имперфект чаще образуется от основ несовершенного вида. Возможны, но редки формы от основ совершенного вида, например в Новгородской летописи XIII-XIV веков КАДЬ РЖИ КОУПЛАХОУТЬ ПО ·І· ГР ВНЪ. Специфика семантики таких форм – в сохранении основного значения имперфект, указания на длительное состояние в прошлом, но в сочетании с видовым значением приобретает специфическое значение прошлого состояния как серии повторявшихся действий, каждое из которых ограничено во времени и доведено до конца (от основ совершенного вида): в приведенном контексте ‘неоднократно в течение описываемого времени’.

– В старославянском языке имперфект образовывался от основ инфинитива на согласный с помощью суффикса *ēach, на *i – с помощью суффикса *aach, на *ě и *a – с помощью суффикса *ach, к которым присоединялись тематические гласные o (1-е л. всех чисел и 3-е л. мн. ч.) и e (в остальных формах) и личные окончания, например, от основы НЕС-ТИ 1-е л. ед. ч. *nes - ēach - o - m → *nes - ēach - om → *nes - ēach - ѣ → ст.сл. НЕСѢАХЪ.

Соответственно от других типов основ – ПИСААХЪ, ВИДѢАХЪ, ХОЖДААХЪ. Нестяженные формы характерны для всей парадигмы старославянского имперфекта. В древнерусском языке используются стяженные формы: -ѣахъ / -аахъ → -’ахъ (НЕСѢАХЪ → НЕСАХЪ → НЕСЯХЪ, ПИСААХЪ → ПИСАХЪ).

В древнерусском языке во 2-м л. мн. ч. и 2-3-м л. дв. ч. ст.сл. -ШЕТЕ (НЕСѢАШЕТЕ) заменялся на -СТЕ (НЕСЯСТЕ); к форме 3-го л. ед. и мн. ч. присоединялась вторичная флексия -ТЬ.

– Глаголы с основой инфинитива II и III типов, как и в старославянском, образуют формы имперфекта от основ настоящего времени: ПОЯХЪ ← ПО*j-у+-ТЬ (не от ПЬ-ТИ), МЪРЯХЪ ← МЪР-ОуТЬ (не от МРЬ-ТИ), ЖЪНЯХЪ ← ЖЪН-ОуТЬ (не от ЖЯ-ТИ), ДВИГНЯХЪ ← ДВИГН-ОуТЬ (не от ДВИГНОу-ТИ).

– Имперфект утрачивается в живой восточнославянской речи ранее других исходных претеритальных форм, что отражается в ошибках книжников типа ВОЛОДИМЕРЦИ НЕ ХОТЯШЕ (3-е л. ед. ч. вместо требуемого подлежащим мн. ч. НЕ ХОТЯХУ); ТУ ГРАМОТУ ПОСАДНИКЪ ПОДРАШЕ (использование формы имперфекта вместо аориста ПОДРА для передачи однократного действия). П. С. Кузнецов и В. И. Борковский указывают, что его форм нет даже в самых ранних грамотах. В современном русском языке не сохранилось реликтов имперфекта.

Плюсквамперфект (лат. plusquamperfectum ‘более, чем совершенный’) указывает на прошедшее действие, предшествовавшее другому прошедшему, чаще всего выраженному аористом, то есть предпрошедшее, или преждепрошедшее. Это значение выразится и в его формообразовании прибавлением к основному глаголу в форме действительного причастия прошедшего времени на -Л- глагола-связки БЫУИ в форме имперфекта или имперфективного аориста.

ед. ч.	1-е л.	бяхъ / бѣхъ	неслъ, -а, -о
	2-е л.	баше / бѣ	– «–
	3-е л.	баше(ть) / бѣ	– «–
дв. ч.	1-е л.	бяховѣ / бѣховѣ	несла, -ѣ, -ѣ
	2–3-е л.	башта / бѣшта	– «–
мн. ч.	1-е л.	бяхомѣ / бѣхомѣ	несли, -ы, -а
	2-е л.	баште / бѣште	– «–
	3-е л.	бяху(ть)	– «–

Формы предпрошедшего времени используются достаточно редко, когда в контексте требуется специальное выделение предшествования одного прошедшего действия другому. Так, в летописном рассказе о князе Ярославe И ПОЛОЖЕНЪ БЫСТЬ В СТѢИ СОФЬИ · ЮЖЕ БѢ САМЪ СОЗДАЛЪ (Повесть временных лет, начало XII) используется такая форма, ибо в противном случае последовательность действий теряет смысл – умер, а потом создал храм. Этот претерит отмечается в повествовательных текстах, где он обычен в придаточных конструкциях и соотносен с формами аориста.

В текстах деловой письменности такие формы плюсквамперфекта единичны, поскольку в живой восточнославянской речи рано утрачены формы имперфекта. С XIII века исследователи отмечают формы другого образования, так называемый русский плюсквамперфект, который образовывался прибавлением к основному глаголу в форме действительного причастия

прошедшего времени на -Л- глагола-связки БЫТИ в форме перфекта. Эта форма употреблялась вплоть до XVII века, чаще без вспомогательного глагола перфекта есмь: А КОТОРЫЪ ДЕРЕВНИ ОТОИМАЛЪ БЫЛЪ КНЯЗЬ ВОЛОДИМЕРЪ ... А ТЪ ДЕРЕВНИ ПОТЯНУТЬ (Духовная грамота князя Дмитрия Донского, 1389), КАЗАКИ БЫЛИ НА СЛУЖБУ ПОШЛИ, А НЫНЕ ВОРОТИЛИСЯ (Московские разрядные книги, 1615).

ед. ч.	1-е л.	есмь былъ, -а, -о неслъ, -а, -о
	2-е л.	еси – «–
	3-е л.	есть – «–
дв. ч.	1-е л.	есвѣ была, -ѣ, -ѣ несла, -ѣ, -ѣ
	2–3-е л.	еста – «–
мн. ч.	1-е л.	есмь были, -ы, -а несли, -ы, -а
	2-е л.	есте – «–
	3-е л.	суть – «–

В современном русском языке сохранились реликты русского плюсквамперфекта. К ним относятся:

– конструкция типа пошел было, но вернулся со значением прошедшего прерванного действия, а частица было представляет результат трансформации исконного глагола-связки 3-го л. ед. ч. ЕСТЬ БЫЛЪ;

– сочетания жил-был, жили-были, отмечаемые в начале сказок и рассказов и указывающие на события, имевшие место в далеком прошлом. По П. С. Кузнецову, данный реликт указывает на возможность использования форм древнерусского давнопрошедшего в независимом предложении.

Перфект (лат. perfectum ‘совершенное’) обозначал состояние, наблюдающееся в момент речи и являющееся результатом совершенного в прошлом действия. Значение проявляется и в формообразовании: к основному глаголу в форме действительного причастия прошедшего времени на -Л- прибавляется глагол-связки БЫТИ в форме настоящего времени.

ед. ч.	1-е л.	есмь неслъ, -а, -о
	2-е л.	еси – «–
	3-е л.	есть – «–
дв. ч.	1-е л.	есвѣ несла, -ѣ, -ѣ
	2–3-е л.	еста – «–
мн.ч.	1 л.	есмь несли, -ы, -а
	2-е л.	есте – «–
	3-е л.	суть – «–

Образование идет как от основ совершенного вида, так и от основ несовершенного вида, сохраняя при этом семантику результативности. Ср.:

ВЕЛЪЛЪ ЮСМЪ БИТИ ВЪ НІЄ НА СЪБЪДЪ (Мстиславова грамота, 1130);
ОТРОЦИ СВЪНЪЛЪЖИ ИЗОДЪЛИ СЯ СУТЬ ОРУЖЬЕМЪ И ПОРТЫ, А
МЫ НАЗИ (Повесть временных лет, начало XII).

В старейших текстах книжно-литературного характера перфект чаще всего встречается в прямой речи, что обусловлено его грамматическим значением: указание на современное для момента речи состояние характерно для диалога, а не для повествования.

То, что это наиболее частотная форма в деловой и бытовой письменности, соответствует его древнему значению, поскольку документ или частное письмо – это своего рода диалог автора и адресата, ориентированный на момент речи, то есть на время составления, написания документа, письма, например в Мстиславовой грамоте СЕ АЗЪ МЪСТИСЛАВЪ ... ПОВЪЛЕЛЪ ЮСМЪ СЫНОУ СВОЕМОУ ВСЕВОЛОДОУ СЪТДАТИ БУИЦЪ СВЯТОМОУ ГЕОРГИЕВИ фиксируется в настоящем (момент речи) факт передачи села монастырю, который осуществлен в прошлом по повелению князя Мстислава и сохраняет свою силу.

Очень часто в деловой и бытовой письменности связка, особенно в 3-м л., опускается, поскольку грамматическая информация о категориях лица и числа, которую несет связка, при выраженном подлежащем становится избыточной: ГЛЪБЪ КНЯЗЬ МЪРИЛЪ МОРЕ ПО ЛЕДОУ (Тьмутороканская надпись, 1068) вм. МЪРИЛЪ ЕСТЬ. В деловых текстах регулярно отсутствие связки при выраженном подлежащем и в формах 1–2-го л., например: А АЗЪ ДАЛЪ РОУКОЮ СВОЮЮ · И ОСЕНЬНІЄЮ ПОЛЮДИЮ (Мстиславова грамота). Как следствие, бессвязочная форма перфекта не содержит и информации о связи прошедшего действия с настоящим, то есть, утрачивает специфику грамматической семантики и становится универсальным средством выражения прошедшего действия.

Необходимо учитывать, что функционирование системы прошедшего времени в древнерусском языке различно по типам письменности. В книжно-славянской письменности это четырехчленная система со строго дифференцированными по семантике формами. В деловой письменности, что отражает и живую восточнославянскую речь, перфект приобретает функцию универсальной формы прошедшего времени.

IV

Ирреальные наклонения в древнерусском языке, как и в современном, были представлены повелительным и сослагательным наклонениями.

Повелительное наклонение имеет значение побуждения к действию (принятию состояния), поэтому модально связано с планом будущего. По происхождению оно является праславянским и восходит к формам праиндоевропейского желательного наклонения.

Повелительное наклонение и тематических, и нетематических глаголов было представлено формами 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. дв. и мн. ч., образуемыми от основ настоящего времени.

	НЕС- (НЕСТИ)	МОГ- (МОЧИ)	ПИШ- (ПИСАТИ)	БЫТИ от осн.буд.вр.	ДАД- (ДАТИ)
ед. ч. 2–3-е л.	нес-и	моз-и	пиш-и	буд-и	дажь
дв. ч. 1-е л.	нес-ѣ-вѣ	моз-ѣ-вѣ	пиш-и-вѣ	буд-ѣ-вѣ	дад-и-вѣ
2-е л.	нес-ѣ-та	моз-ѣ-та	пиш-и-та	буд-ѣ-та	дад-и-та
мн. ч. 1-е л.	нес-ѣ-мъ	моз-ѣ-мъ	пиш-и-мъ	буд-ѣ-мъ	дад-и-мъ
2-е л.	нес-ѣ-те	моз-ѣ-те	пиш-и-те	буд-ѣ-те	дад-и-те

Комментарий к парадигме

– От основ I–II типов образование шло посредством суффикса -ѣ-, от основ III–V типов – -и-. 1-е л. ед. ч. имело общую для всех типов форму на -И дифтонгического происхождения (как следствие, результаты второй палатализации задненебных типа МОЗИ, ТЫЦИ, БЕРЕЗИ). Связь с планом будущего проявляется в образовании повелительного наклонения глагола БЫТИ от основы будущего времени. Нетематические глаголы с основой на *d и ВИДѢТИ в ед. ч. имели специфическую форму (*d +*j) ДАЖЬ, ЪЖЬ, ВИЖЬ. В текстах, ориентированных на церковнославянскую норму, аналогично образование ВѢЖДЬ от ВѢДѢУИ, в нецерковнославянских – (ПО)ВѢДАИ.

– Традиционно считается, что в единственном числе функционируют формы 2-го и 3-го л. По мнению Г. А. Хабургаева, форма 3-го л. передает только «побуждение» к действию Божественной силы в контекстах типа Б ГЪ БОУДИ ЗА УЪМЪ (Мстиславова грамота, 1130), ДАИ ЕМОУ ГДЪ БГЪ БЛ НИЕ СТЫХЪ ЕВАНГЛИСТЪ (Приписка к Остромирову Евангелию, 1056–1057), где формы БГЪ и ГДЪ БГЪ – подлежащее, а не обращение (3. п. ГОСПОДИ БОЖЕ).

Реальное побуждение к действию третьего лица в книжно-славянских памятниках передается старославянской по происхождению ДА-конструкцией типа ДАЖЕ КТО ЗАПЪРТИТЬ ИЛИ ТОУ ДАНЬ И СЕ БЛЮДО · ДА СОУДИТЬ ЮМОУ БЪ ВЪ ДНЬ ПРИШЬСТВИЕ СВОЮГО (Мстиславова грамота, 1130). В деловых текстах XI–XIII веков в такой функции отмечаются инфинитивные конструкции типа АЖЕ КТО ОУБИЮТЬ КНАЖА МОУЖА ... ТО ВИРЬВНОУЮ ПЛАТИТИ · ВЪ ЧЬСИ ВЪРВИ ГОЛОВА ЛЕЖИТЬ (Русская Правда, 1282), а также личные предложения с формой 3-го л. настоящего / будущего времени без частицы ДА (распространено в договорных и духовных грамотах, где имеет характер побуждения) и /или с ее вариантом ПУСТЬ типа И СЪНЪ ПУСТЬ ЕДЕТЬ КО ПСКОВУ МЫ ЕМУ СУДЪ ДА-ДИМЪ (Псковская грамота, 1463–1465).

– Исторические изменения в форме единственного числа связаны с редукцией -и в безударном положении знай, дай, режь, встань. Исключение представляют формы со скоплением согласных в конце основы типа исполни, крикни и образования с приставкой вы- типа вынеси, вылови.

Во 2-м л. мн. ч. в качестве показателя множественности используется флексия -те, которая присоединяется к форме ед. ч. неси-те, знай-те, режь-те.

Во 2-м л. ед. и 1-м и 2-м л. мн. ч. нетематического спряжения формы ЪЖЬ, ДАЖЬ, ЪДИМЪ, ДАДИМЪ, ЪДИТЕ, ДАДИТЕ получают новое грамматическое значение настоящего / будущего времени. Современная форма ешь, используемая в функции побуждения, восходит к др.р. ЪЖЬ. Под ее влиянием возникла новая форма 2-го л. мн. ч. ешьте.

Реликтами формы ВИЖЬ являются просторечные *вишь и ишь*, употребляемые как вводные слова и в сочетаниях *вишь/ишь ты, вишь/ишь как, вишь/ишь сколько* и т.п.

Сослагательное наклонение в древнерусском языке образовывалось прибавлением к основному глаголу в форме действительного причастия прошедшего времени на -Л- глагола-связки БЫТИ в форме аориста.

ед. ч.	1-е л.	быхъ несль, -а, -о
	2-е л.	бы – «–
	3-е л.	бы – «–
дв. ч.	1-е л.	быховъ несла, -ѣ, -ѣ
	2–3-е л.	быста – «–
мн. ч.	1-е л.	быхомъ несли, -ы, -а
	2-е л.	бысте – «–
	3-е л.	быша – «–

Утрата форм аориста в живой восточнославянской речи и колебания в согласовании форм аориста в лице и числе с именем-подлежащим привели к закреплению формы 2–3-е л. ед. ч. бы в качестве неизменяемой формообразующей частицы сослагательного наклонения.

V

По происхождению именными формами глагола в древнерусском языке являются инфинитив и супин, а также причастие.

С точки зрения формообразования, в древнерусском инфинитиве выделяется инфинитивная основа и суффикс -ТИ: НЕС-ТИ, ПЪ-ТИ, ПИ-ТИ, ДВИГНОу-ТИ, ДА-ТИ. Если основа инфинитива оканчивалась на согласные *d, *t, *g, *k, то в сочетании с прасл. *ti происходило преобразование возникших сочетаний согласных в соответствии с принципом восходящей звучности и законом слогового сингармонизма: прасл. *vedti → прасл. *vesti → др.р. ВЕСТИ, прасл. *pletti → прасл. *plesti → др.р. ПЛЕСТИ, прасл. *pekti → востсл. *peč'ī → др.р. ПЕЧИ; прасл. *mogti → востсл. *moč'ī → др.р. МОЧИ. Исторического комментария требуют современные формы грести, клясть: прасл. *grebti, *kľnti в соответствии с принципом восходящей звучности

преобразуется в ГРЪТИ, КЛАТИ, которые изменяются позднее по аналогии с формами НЕСТИ, ВЕСТИ.

Инфинитив представляет собой праславянское новообразование (в других индоевропейских языках формы инфинитива иные). Это имя, образованное от глагольной основы (теперь она называется инфинитивной) с помощью суффикса *t, имевшего значение процесса, с прибавлением к нему окончания *ei. Оно изменяется по типу существительных с основой на *ī типа КОСТЬ. Еще в дописьменную эпоху оно утрачивает изменение и закрепляется в этой единственной форме, восходящей, по мнению большинства ученых, к Д. п. ед. ч.

Утратив формоизменение, инфинитив перестает быть именем и переходит в глагольную систему. Однако генетическая связь с существительным проявляется и в семантике инфинитива (исходная форма глагольной парадигмы, называющая процесс, обозначаемый глаголом), и в его синтаксических функциях (подлежащее, второстепенные члены предложения; сказуемое – только в сочетании со спрягаемой формой).

Невыраженность в этой форме некоторых собственно глагольных категорий (в русском языке это лицо, число, времена и наклонение) отразилась в терминологии: гр. αλοφάτικός. = лат. finitivus ‘изъявительное наклонение’ в отличие от гр. αλαρεμφάτος. = лат. infinitives ‘неполное, неясное наклонение’ (в грамматиках XIX века для обозначения этой формы используется термин неопределенное наклонение).

Именным происхождением инфинитива объясняется и омонимичность некоторых инфинитивов с именами существительными 3-го склонения: (московская) знать – знать (язык), (натопленная) печь – печь (пироги), (звериная) пасть – пасть (в битве), (особенная) статья – статья (умным), течь (в корабле) – течь (свободно), (бездонная) пропасть – пропасть (без вести). Отметим, что и в других индоевропейских языках инфинитивы представляют собой генетически глагольные имена, но оформленные иначе, например, нем. Leben ‘жить’, das Leben ‘жизнь’.

В истории русского языка форма суффикса -ТИ/-ЧИ трансформируется в -ТЬ в безударном положении, под ударением сохраняется исконная форма, которая наблюдается и в приставочных образованиях от этих форм: читать, пить – вести’, грести, нести, ползти, вы’вести. Однако в северновеликорусских говорах и в безударном положении достаточно последовательно сохраняются формы с -ти.

В памятниках письменности единичные формы на -ТЬ отмечаются уже в XI веке, но даже в деловой письменности великорусского периода формы на -УИ количественно преобладают.

С точки зрения формообразования, в древнерусском супине (достигающее наклонение, инфинитив цели от лат. suripum ‘обращенное вверх’) выделяется инфинитивная основа и суффикс -ТЬ: НЕС-ТЬ, ПЬ-ТЬ, ПИ-ТЬ, ДВИГНОу-ТЬ, ДА-ТЬ. Основа инфинитива на задненебный должна была со-

хранить качество конечного согласного (*gtь, *ktь), но по аналогии с инфинитивом в ней закрепляется шипящий: ПЕЧЬ, МОЧЬ.

Супин, в отличие от инфинитива, унаследован из индоевропейского языка-основы. Он представляет собой имя, образованное от глагольной основы при помощи суффикса *t и флексии *ŷm. Уаков супин в латинском и балтийских языках, санскрите, например в лат. da-t-um 'чтобы дать'). По происхождению это форма В. п. ед. ч. существительного с основой на *ŷ типа СЫНЬ, которая реализовывала значение В. цели. Именно этим обусловлено его использование при глаголах движения.

Еще в дописьменную эпоху это имя утрачивает формы склонения и застывшая форма В. падежа переходит в глагольную систему. В древнерусском языке супин также употребляется при глаголах движения для указания на цель движения, при этом супин управляет, как и существительные, Р. п. (глагольная способность управлять В.п. без предлога им утрачена):

ИДЕ УЧИТЬ БОЛГАРСКАГО ЯЗЫКА; ПОСЛА ЯРОПОЛКЪ ИСКАТЬ БРАТА; ИДОХЪ МИРА ТВЕРДИТЬ (Повесть временных лет, начало XII).

В славянских языках (за исключением словенского) форма супина вытесняется инфинитивом. В древнерусском языке это наблюдается уже с XI века: ПОСЪЛА ПРИЗЪВАТИ (Остромирово Евангелие, 1056–1057), ЮХАЛИ НА ГОЧКЫИ БЕРЬГО ... ТВЕРДИТИ МИРЪ (Смоленская грамота, 1229). Но и в XIV веке отмечается правильное, хотя и крайне редкое, употребление супина типа ПОЛЕСТИ МЫТЬСА (Псковский Шестоднев, 1374).

В русском языке реликтами его можно считать выражения типа *иду пахат* в северных диалектах и устойчивые обороты типа *пошел Тит молотит*.

VI

Собственно именными глагольными формами и по происхождению, и по употреблению являются причастия, которые, с одной стороны, склоняются, с другой стороны, выражают время и залог.

В русском языке термин известен с древнерусской эпохи. В сочинении Иоанна экзарха Болгарского «О осмих частех слова» указывается на связь причастия с именем и глаголом: ПРИЧАСТІЕ ЖЕ ЕСТЬ ГЛАГОЛЬ, ИМЪАИ НЪКАА ПОСЛЪДУЮЩА РЪЧИ И НЪКАА ПОСЛЪДУЮЩА ИМЕНЮ; СЕГО РАДИ И ГЛАГОЛЕТСЯ ПРИЧАСТІЕ, ЗАНЕ ПРИЧАСТВУЕТЪ И ИМЕНЮ И РЪЧИ.

В древнерусском языке, как и в других индоевропейских, отличие причастия от прилагательного состоит в том, что прилагательное обозначает признак предмета, а причастие – признак предмета лишь в пределах процесса, выраженного соответствующим глаголом (ср.: бережливый человек ~ берегущий / берегший что-то человек).

Древнерусские причастия дифференцируются по времени – настоящего и прошедшего времени, по залогу – действительные и страдательные. Как и прилагательные, они имели краткую и полную формы.

Только генетически определяется как действительное причастие прошедшего времени форма, образуемая от основы инфинитива с помощью суффикса -л-, которая уже в праславянский период утратила парадигму склонения и закрепилась как именная форма в предикативной функции (первоначально в составе синтетических глагольных форм времени и наклонения): НЕС-Л-Ъ, -А, -О.

В истории языка именные формы этого несклоняемого причастия становятся единственной формой прошедшего времени глагола, местоименные формы, напротив, перешли в отглагольные прилагательные, например усталый, лежалый, смелый, вялый.

Действительные причастия настоящего времени образовывались от основ настоящего времени при помощи суффикса *nt, к которому присоединялось падежное окончание:

И. п. ед. ч. м. и ср. р. *nes-o-nt-s → *nesuns → ст.сл. НЕСЫ, др.р. НЕСА;
*veid-i-nt-s → *vidins → ст.сл. ВИДА, др.р. ВИДЯ.

Вследствие переразложения основ в начальной форме причастий мужского и среднего рода, образованных от глагольных основ I–III типов, возникает суффикс -И, от основ IV–V типов – суффикс -А. Уже к XIII веку, судя по памятникам письменности, они вытесняются восточнославянскими вариантами -А, -Я.

Указанное формообразование характерно только для начальных форм мужского и среднего рода; во всех остальных формах парадигмы отражаются суффиксы -УЧ-/-ЮЧ-/-АЧ-/-ЯЧ-, например: НЕС-УЧ-И, ЗНА-ЮЧ-И, СЛЫШ-АЧ-И, ВИС-ЯЧ-И (ж. р.) из *nes-o-nt-j- → ст.сл. НЕС-ЖШУ-, др.р. НЕСУЧ-.

Действительные причастия прошедшего времени образовывались с помощью суффикса -ЪШ- (от основ инфинитива I–III типов) и суффикса -ВЪШ- (от основ инфинитива IV–V типов): НЕС-ЪШ-И, НО ВИДЪ-ВЪ-ШИ (ж. р.).

В И. п. ед. ч. мужского и среднего рода формы причастий таковы: НЕС-Ъ, ЗНА-В-Ъ. Показательно, что в причастных формах этого времени восстанавливаются согласные, трансформировавшиеся вследствие действия фонетических процессов в праславянский период: *plet-ti → *ples-ti → ПЛЕТЪ, ПЛЕТЪШИ.

Именные действительные причастия настоящего и прошедшего времени склоняются как именные прилагательные, исключение составляют формы И. п. ед. ч. мужского и женского рода, флексии которых отличаются от соответствующих форм именного склонения. К тому же, формы косвенных падежей

причастий именного склонения встречаются редко, а в двойственном и множественном числе практически не встречаются.

Поэтому в учебниках по исторической грамматике в таблицах склонения они обычно приводятся в соответствии с системой флексий именного склонения, а не как реальные факты древнерусских памятников письменности.

	м.р.	ср.р.	ж.р.
ед. д. И. Р. Д. В. Т. М.	неса несъ видя видѣвъ несуча несъша видяча видѣвъша несучу несъшу видячу видѣвъшу несучь несъшь несуче несъше видячъ видѣвъшъ видяче видѣвъше несучу несъшу видячу видѣвъшу несучи несъши видячи видѣвъши	несучи несъши видячи видѣвъши несучь несъшь видячъ видѣвъшъ несучи несъши видячи видѣвъши несуче несъше видяче видѣвъше несучу несъшу видячу видѣвъшу несучи несъши видячи видѣвъши	несучи несъши видячи видѣвъши несучь несъшь видячъ видѣвъшъ несучи несъши видячи видѣвъши несучу несъшу видячу видѣвъшу несучею несъшею видячею видѣвъшею несучи несъши видячи видѣвъши
дв. ч. И.–В. Р.–М. Д.–Т.	несуча несъша несучи несъши видячи видѣвъши видяча видѣвъша несучу несъшу видячу видѣвъшу несучема несъшема несучама несъшема видячема видѣвъшема видячама видѣвъшема	несучи несъши видячи видѣвъши несучь несъшь видячъ видѣвъшъ несучи несъши видячи видѣвъши несуче несъше видяче видѣвъше несучу несъшу видячу видѣвъшу несучи несъши видячи видѣвъши	несучи несъши видячи видѣвъши несучь несъшь видячъ видѣвъшъ несучи несъши видячи видѣвъши несучею несъшею видячею видѣвъшею несучи несъши видячи видѣвъши
мн. ч. И. Р. Д. В. Т. М.	несуче несъше несуча несъша видяче видѣвъше видяча видѣвъша несучь несъшь видячъ видѣвъшъ несучемъ несъшемъ видячемъ видѣвъшемъ несучь несъшь несуча несъша видячъ видѣвъшъ видяча видѣвъша несучи несъши видячи видѣвъши несучихъ несъшихъ видячихъ видѣвъшихъ	несуча несъша несучи несъши видячи видѣвъши несучь несъшь видячъ видѣвъшъ несучемъ несъшемъ видячемъ видѣвъшемъ несуча несъша видяча видѣвъша несучи несъши видячи видѣвъши несучихъ несъшихъ видячихъ видѣвъшихъ	несучь несъшь видячъ видѣвъшъ несучь несъшь видячъ видѣвъшъ несучамъ несъшамъ видячамъ видѣвъшамъ несучь несъшь видячъ видѣвъшъ несучами несъшами видячами видѣвъшами несучахъ несъшахъ видячахъ видѣвъшахъ

Местоименные формы древнерусских причастий образовывались и склонялись аналогично соответствующим местоименным прилагательным: И. ед. НЕСА-И, НЕСУЧЕ-Ю, НЕСУЧИ-Е; Р. НЕСУЧЕГО (м. и ср.), НЕСУЧЬБЪ (ж. р.).

Эволюция причастий действительного залога

– Именные формы настоящего времени типа НЕСА, ВЕДА в древнерусском языке вытеснялись формами НЕСЯ, ВЕДЯ. Реликтом причастий на -А в русском языке являются существительные типа *пройда, рева*.

– Именные формы настоящего времени И. п. ед. ч. мужского и среднего рода на -я, а также женского рода на -учи / -ачи / -ячи и формы прошедшего времени, примыкая к глаголу, утратили словоизменение и трансформирова-

лись в неизменяемые формы деепричастий несовершенного вида типа *неся, видя, идучи, сидючи, несиши, увидев*.

Генетической связью современного деепричастия с причастными формами объясняется недопустимость использования независимого деепричастного оборота типа *Подъезжая к станции, с меня слетела шляпа*. Как историческое причастие, деепричастие *подъезжая* должно быть связано и с именем, обозначающим действующее лицо (с меня – я), и с глаголом, обозначающим производимое им действие (слетела).

– Многие древнерусские местоименные причастия в современном русском языке сохранились как отглагольные прилагательные типа *летучий, горячий, колючий, могучий, ползучий, ходячий, стоячий*. В качестве причастий от соответствующего глагола выступают старославянские по происхождению формы *летящий, горящий, колющий, могущий, ползущий, ходящий, стоящий*.

Страдательные причастия настоящего времени образовывались от основы настоящего времени с помощью суффикса -М-, присоединявшегося после тематического гласного -О- (основы I–II типов), -Е- (основы III типа), -И- (основы IV типа): НЕС-О-М-, ЗНАЈ-Е-М-, ВИД-И-М-. По мнению большинства исследователей, эти формы были свойственны системе книжно-литературного языка, ориентированного на старославянские нормы.

Страдательные причастия прошедшего времени образовывались от основы инфинитива с помощью суффиксов -У- (основы II–III типов) и -Н-, присоединявшегося после тематического гласного -Е- (основы I, V типов): БИ-Т, НОШ-Е-Н-, КУПЛ-Е-Н-.

Именные формы склонялись аналогично именным прилагательным; образуемые местоименные формы причастий изменяются аналогично местоименным прилагательным.

Страдательные причастия, в отличие от действительных, изменились значительно меньше. Полные страдательные причастия настоящего времени в современном русском языке по происхождению – старославянские, для собственно восточнославянских форм характерен переход в отглагольные прилагательные, например *любимый (город), весомый (вклад)*.